

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Карпу Клетниеку — 60

— В Академическом театре драмы юбилей Карпа Клетниека. Шестьдесят. Пойдем?

— Но мы же не достанем билетов. Ведь он — любимый актер зрителей...

Этот разговор я услышал в магазине «Книга по искусству», и он заставил меня обратиться мыслями к Карпу Клетниеку.

— Знаешь ли ты, почему тебя любят зрители? Если спросить тебя об этом, ты, наверное, весьма нелюбезно скажешь, что не отвечаешь на глупые вопросы. Но ведь, Карп, это совсем не так уж глупо: путь, которым искусство актера проникает в сердце зрителя, был предметом изучения многих, в том числе и самих актеров. Кто-то из английских мастеров сцены сказал, что популярным могут сделать артиста даже его внешние данные, а великим — интеллект и дар воображения. Но этого зрители сразу заметить не могут. Их внимание первоначально привлечено к чему-либо конкретному. Так, например, тридцать лет назад я наблюдал из зрительного зала за твоими руками; еще и сегодня у меня перед глазами твои манипуляции с трубкой и кисетом, когда ты играл отца Микуса в «Блудном сыне». Тогда я думал, что это — результат чисто технической тренировки рук. Лет десять спустя я увидел — уже в репетиционном зале — другие руки, руки профессора Окамова, снимавшие с полки книгу. Они словно прощались с бесконечно дорогими ему вещами: книги пришлось продать, чтобы купить Машеньке зимнее пальтишко... Позже я, не отрывая глаз, смотрел на руки, которые в фильме «Весенние заморозки» держали скрипку и смычок. Тогда я уже понимал, что язык твоих рук определяют не только тренировки, но присущая тебе способность понимать человека, находить ключ к его внутреннему миру.

Твой мир воображения богат. Как у ребенка, о котором Доку Атис сказал: «...Все в нем полно жизни и мудрости, и величия». Ты умеешь разглядеть в кажущемся ничтожном значительное. Именно поэтому, наверное, ты столь уморительно серьезен в таких ролях, как Мендозо, Иоргис, Спигулис, Подхалюзин и другие.

Богата палитра твоих красок. Такая может быть только у тех, кто любит жизнь в лучшем смысле этого слова. Об этом я думаю, когда вспоминаю одну летнюю гастрольную поездку в Алуksне. В твоих волосах уже серебрились седые пряди. Но после спектакля ты уговорил молодых актеров не ложиться спать, а провести ночь на острове возле костра. Почти до рассвета ты пел и вел себя так, словно больше всего тебе было жаль уходящей ночи. Наверное, это и называют шемющим чувством, — оно появляется, когда ощущение красоты переплетается с болью; такое состояние было характерно для твоих героев, людей с несбывшимися мечтами — Ранка и Маркова.

По-моему, не стоит тебя спрашивать о том, что ты делаешь в свободное время. Я-то знаю, что его у тебя почти нет. И если ты не в театре, не на киностудии, не на телевидении, и если не рисуешь, не занимаешься резьбой по дереву, тогда ты, возможно, с кем-нибудь беседуешь в укромном уголке. И я знаю о чем: тебя заботят судьбы искусства, завтрашний день театра. Именно завтрашний день. Ты не закрываешь глаза на отрицательные стороны буден искусства, но в мыслях твоих о будущем всегда доминирует позитивное начало.

Люди любят добро. И тебя, Карп, за то, что ты умеешь сказать зрителям, для чего живет человек — для того, чтобы беречь доброе и прекрасное.

Карл Памше